

О сектантском происхождении так называемого научного креационизма

Термин **креационизм** (от лат. creatio — ‘творение’) в первом, самом общем своем значении — учение о сотворении Богом мира и человека. Этот термин вошел в употребление относительно недавно для обозначения позиции верующих (прежде всего — христиан) в полемике с разработанными в середине XVIII — начале XIX века материалистическими концепциями вечности и самобытности материи, самозарождения и самоорганизации жизни, а также животного, небожественного происхождения человека. Однако в настоящее время термин **креационизм** получил известность и распространение в другом, более специфическом, более узком смысле, в качестве так называемого **научного креационизма** (или иначе — **креационной науки, библейской науки, библейского креационизма**) — одного из направлений христианской апологетики¹.

При всем многообразии современной христианской научной апологетики креационисты представляют собой строго определенную, замкнутую группу, стремящуюся доказать не столько саму идею божественного происхождения мира, сколько свою (единственно верную, по их мнению) трактовку библейского Шестоднева. Основоположником современного «научного креационизма» единодушно считается Генри Моррис, американский инженер-строитель, опубликовавший в 1961 году вместе с протестантским теологом Джоном Уиткомбом книгу под названием «Библейский Потоп»², в которой излагались основные тезисы научного креационизма. Собственно и сами термины «креационная наука», «научный креационизм», «библейская наука» обязаны своим происхождением по большей части самому Г. Моррису и его ближайшему окружению. Конечно, вопросы, рассматриваемые Г. Моррисом, в разное время обсуждались различными авторами, но мировую известность креационизму принес именно он, благодаря выходу в свет «Библейского Потопа».

В этой книге (и последующих своих работах) Г. Моррис пытается научно доказать истинность библейского повествования о сотворении мира и всемирном потопе. Г. Моррис предлагает строго буквальное толкование

---

¹ Здесь и дальше термины «креационизм», «креационисты» будут употребляться во втором, более узком смысле.

² Whitcomb, John C. and Henry M. Morris. The Genesis Flood.— Philadelphia: Presbyterian and Reformed Publishing Co, 1961.

книги Бытия. Понимая дни творения библейского Шестоднева как обычные сутки по 24 часа и буквально следуя библейской хронологии (согласно которой возраст Земли и Вселенной менее 10 тысяч лет), Г. Моррис подвергает критике эволюционную теорию в биологии (которая предполагает не мгновенное сотворение, а длительное преобразование видов в течение миллионов лет), а также концепцию длительного (миллиарды лет) развития Земли и Вселенной, принятую в геологии и астрономии. Центральным событием геологической истории Земли, согласно Г. Моррису, является всемирный потоп, произошедший около четырех тысяч лет назад, во время которого образовалась основная масса осадочных горных пород и сформировался современный облик земной поверхности. Все многообразие животного мира сотворено в течение первых шести дней, в дальнейшем виды вымирали, основная масса их погибла в водах потопа, была покрыта осадками и образовала окаменелости. Нефтяные и угольные залежи — остатки растений, погибших при потопе. Условия жизни на Земле до потопа были принципиально иными по сравнению с современными. Мощный пароводяной экран в атмосфере («вода над твердью» в понимании Г. Морриса) способствовал формированию жаркого тропического климата по всей планете, защищал от космических излучений, что приводило к гигантизму растений и животных и долголетию библейских патриархов. Космический катаклизм, разрушение пароводяного экрана, а также выделение вод, хранящихся в неких подземных резервуарах, привели к катастрофическому наводнению — всемирному потопу, уничтожившему первое человечество и значительную часть животного мира. Таковы вкратце основные положения, выдвигаемые Г. Моррисом и его последователями.

Такая интерпретация вполне соответствует буквальному прочтению библейского текста, она не противоречит в самых общих чертах и целому ряду святоотеческих толкований. Выглядят концепции Г. Морриса научно-образно, приводится большое количество фактов, формул, таблиц, графиков, дается обильный справочный материал, список литературы, в том числе ссылки на различные научные издания. Немалую роль играет докторская научная степень автора книги. Религиозного читателя подкупает жесткая критика эволюционизма и дарвинизма, набивших уже оскомину за время господства атеистической науки.

В общем, книга была принята христианами многих стран как мощный вызов, брошенный материалистической науке. Книга расходилась огромными тиражами, переводилась и многократно переиздавалась, на нее ссылались проповедники и богословы, в США Г. Моррисом было организовано Общество, а затем Институт Креационных Исследований,

выпускающий свой научный журнал. У Генри Морриса появилось множество последователей и новые публикации, в основном повторяющие и разъясняющие уже высказанные в первой книге тезисы. Креационисты бросили перчатку даже «святая святых» атеизма — Академии наук СССР..

Ответ советских академиков не заставил себя долго ждать. Труды Г. Морриса их не впечатлили: «Академия наук СССР не считает целесообразным вступать в обсуждение труда, столь односторонне трактующего проблему происхождения жизни и игнорирующего огромный теоретический и экспериментальный материал, накопленный исследователями многих стран мира»¹. Вот так, книгу, которая по замыслу авторов должна была «неопровержимо свидетельствовать» о сотворении мира, и, прежде всего, — перед лицом атеистической науки, ученые даже обсуждать посчитали нецелесообразным². И дело здесь не в том, что это произведе-

---

¹ *Моррис Г.* Сотворение мира: научный подход / Автор. пер. с англ. — Сан-Диего: Изд-во Института Креационных Исследований, 1981. — 86 с.

² Креационисты очень любят приводить переписку Института Креационных Исследований с Академией наук СССР, видимо, потому, что за ними осталось последнее слово. После ответа АН СССР они прислали еще ряд безответных предложений, и в конце — предложение об организации открытой дискуссии. Советские академики снова не удостоили американцев ответом. Испугались? Креационисты думают, что так, но более вероятно — просто не захотели ввязываться в скандальную историю. Спорить с сектантом бесполезно, проще его игнорировать. Но здесь, к сожалению, ученые мужи ошиблись. Креационизм нужно было обсуждать, критиковать в широкой печати, изучать в школах, институтах и даже духовных семинариях, показывать его несостоятельность и ангажированность. Тогда, при своем появлении в Союзе, он произвел бы заметно меньший эффект. Но случилось иначе. После долгих лет замалчивания религиозной тематики импортная книга, безапелляционно, подобно Билли Грэму, «отвечающая на все вопросы», показалась людям глотком свежего воздуха... Креационизм попал в Советский Союз десятилетием позже, при развалившейся государственной идеологии и еще не вставшей на ноги Русской Православной Церкви. Образовавшийся мировоззренческий вакуум был заполнен религиозными идеями с пометкой: *made in USA*. За креационизм схватились, но уже не как утопающий за соломинку, а как за дубину, чтобы выколотить из общества остатки ненавистного марксизма-атеизма-дарвинизма. Первыми среагировали «традиционные» российские сектанты: баптисты, адвентисты, пятидесятники, распространяя и перепечатывая многочисленные брошюры о несостоятельности теории эволюции. Но потом, не разглядев вовремя сектантский первоисточник, под знаменами Г. Морриса оказались и многие православные. Сработал принцип пружины: советская наука долго закручивала ее в сторону материализма, теперь отпущенная пружина потянула в диаметрально противоположном направлении, разбивая не только материалистические концепции, но и

ние идеологических противников советской науки, дело в том, что Г. Моррис действительно чрезвычайно тенденциозен. Он проигнорировал огромную массу фактов, другие факты он вырвал из научного контекста и против всякой логики встроил в свои рассуждения. Критикуя науку, он использовал устаревшие или превратно понятые им научные данные¹, а в многочисленных опровержениях эволюционизма и «доказательствах» молодости Земли он показал просто вопиющую безграмотность в исследуемом вопросе и научном методе доказательства².

Безусловно, в креационистских исследованиях есть доля здоровой критики, в которой нуждается современная наука, но, увы, эта доля так мала, что становится практически незаметной за той массой нелепиц и небылиц, которыми креационисты переполняют свои работы. Креационистские построения выглядят убедительно лишь для неподготовленного или слишком доверчивого читателя. Для человека, знакомого с естественными науками, тем более для идеологического противника, они ни в коей мере не являются апологией веры, а выглядят просто невежественным бахвальством, что вызывает, конечно, только отрицательную реак-

---

само доверие к академической науке. За пределами Церкви этот антинаучный процесс выразился в тотальном увлечении оккультизмом и астрологией, в Церкви он привел к распространению креационизма.

- ¹ Количество дилетантских заблуждений креационистов относительно современной науки столь велико, что рассмотрение даже самых распространенных из них требует объемной публикации.
- ² Для опровержения общепризнанной научной теории (даже просто рабочей гипотезы) вовсе недостаточно дать свою, согласную с Библией интерпретацию нескольких отдельных фактов. Недостаточно даже указать на слабую аргументацию оппонентов в интерпретации других нескольких фактов. Научное знание сегодня обладает сотнями тысяч томов фактического материала, при этом господствующая научная парадигма более-менее успешно и внутренне непротиворечиво объясняет большинство фактов. Чтобы создать альтернативную теорию, имеющую хотя бы адекватный научный вес (не говоря уже о безоговорочном опровержении оппонентов), необходимо столь же непротиворечиво объяснить множество имеющихся фактов и их взаимосвязей. Креационизм до сих пор этого не имеет, следовательно, нечего и говорить о какой бы то ни было научной полемике. У креационистов есть набор представлений, основанных только на библейском тексте, которые они пытаются доказать, передергивая отдельные научные факты и давая им свое, дилетантское истолкование. Существующая ныне научная парадигма (несмотря на противоречие буквальному пониманию Библии) выглядит вполне убедительно, ее элементы прочно увязаны друг с другом и вовсе не собираются разваливаться под ударами креационистской критики. А пока студенты-второкурсники, пользуясь своим небольшим пока багажом знаний, легко опровергают базовые «научные» выкладки креационизма, что же говорить об академиках?

цию. Более того, креационисты профанируют всю христианскую апологетику, поскольку выдвигают свои концепции как единственно верные и единственно допустимые толкования Библии. После прочтения подобной «миссионерской» литературы ученому-атеисту остается только одно: с презрением отбросить от себя книжку и пометить словосочетанием «церковные мракобесы» весь креационизм, а с ним и все христианство в целом. Еще раз повторюсь, что дело здесь не в том, что креационисты критикуют основные научные парадигмы. Дело в чрезвычайно завышенном тоне этой критики, при катастрофически низком уровне знаний по обсуждаемому вопросу.

Креационизм оказался «вещью в себе». Он абсолютно бесполезен для внешнего употребления, но зато он явился плодотворным полем деятельности для некоторых самоуверенных проповедников, считающих, что без специального образования, просто процитировав Библию и книжку Г. Морриса, можно потрясти устои современной науки¹.

Для американцев увлечение креационизмом вполне понятно. Вовсе не случайно он возник и получил широкое распространение именно в американо-протестантской среде.

Во-первых, это движение легко вписывается в религиозное сознание, воспитанное на протестантском фундаментализме, не признающем никаких богословских аргументов кроме библейских цитат, истолкованных строго буквально. «Только Писание» — лозунг, провозглашенный первыми реформаторами, заставил всю протестантскую ветвь христианства отбросить любые источники религиозных знаний, кроме тех, которые зафиксированы в Библии. Протестантские фундаменталисты начала XX века многократно усилили этот тезис, провозгласив единственно допустимым только буквальное понимание Писания. Эти шаги закрыли практически все возможности для внебиблейской дискуссии. Аргументы, не заимствованные из Библии, — не доказательны, аргументы, противоречащие буквальному пониманию Библии, — заведомо ложны и поэтому

---

¹ «Вам не нужно быть умными, если вы правы!» — сказано в предисловии к известной брошюрке Б. Хобринка «Эволюция: яйцо без курицы». Это изречение вообще можно было бы поставить эпитафией к любому креационистскому произведению. Еще более характерно высказывание в предисловии к книге Г. Морриса «Сотворение мира: научный подход»: «...чтобы понять содержание книги, достаточно иметь за плечами 8–9 классов средней школы, плюс — желание самостоятельно разобраться в важнейших вопросах жизни и науки». Оказывается, чтобы громить академиков-атеистов, достаточно иметь «неполное среднее» и, конечно, немного самоуверенности... К слову сказать, именно эту книгу предлагал Институт Креационных Исследований для рассмотрения советским ученым.

даже не требуют опровержения. Единственно возможной формой богословско-философской полемики стал обмен цитатами из канонических книг Библии. Следующий шаг на этом пути — распространение буквального понимания богодухновенности Священного Писания, которое стало рассматриваться как непосредственное «послание Бога», записанное буквально «под диктовку». Человеческий фактор, социокультурные влияния, личностное восприятие библейскими авторами Божественного Откровения, ошибки и неточности перевода — все это было приписано Божественному Разуму. Всем словам, буквам, точкам и запятым Библии был придан высший, непререкаемый авторитет. Креационизм целиком и полностью соответствует этой традиции.

Во-вторых, креационизм, бравирующий своим презрением к академической науке и научным знаниям, находит теплый отклик в стране, образовательный уровень которой, как говорят, оставляет желать лучшего...

Однако, почему на стороне креационистов оказались отнюдь не только недоучки, но и серьезные ученые, остепененные кандидатскими и докторскими званиями? Это в первую очередь объясняется особенностями строения научного знания. Современный ученый, увы, мало напоминает исследователей-энциклопедистов античности или нового времени. Чрезвычайно узкая специализация, вызванная огромным количеством информации, делает современного доктора наук беспомощным котенком, как только он попадает на соседнее информационное поле. Инженерная геология (по которой учился, работал, преподавал и защищался Г. Моррис) при всей схожести названий — совершенно другая область научного знания по отношению к классической геологии, и тем более биологии и астрономии. Даже в самих этих науках существует огромное количество подразделений, представители которых понимают друг друга только в общих чертах, детали же исследования оказываются доступны только узким специалистам.

Вторая причина (которая, кстати, и заставляет креационистов забыть, что большинство из них работает далеко не на своем научном поле¹) — общий сектантский дух, пронизывающий это движение. Безгра-

---

¹ В российском обществе есть пример грубейшего нарушения научных границ. Речь идет о «Новой хронологии» — трактатах А.Т. Фоменко, доктора физико-математических наук, якобы опровергающих традиционную историческую науку. Интересно, как бы выглядел в глазах Фоменко историк, «доказывающий» широкому кругу читателей ложность современной математики. Между прочим, критиковать такие выпады чрезвычайно сложно. Легко можно набросать десяток фактов, а чаще всего — подтасовок, которые в глазах несведущего читателя будут выглядеть вполне убедительно, но чтобы доказать обратное, нужно иной раз написать целую

ничная уверенность в своем правильном понимании Писания, в его (а значит — и своей) буквальной непогрешимости, гуруизм — раболепие и буквальное следование признанным авторитетам без тени критического анализа их мнений и, наконец, жесткое деление общества на своих адептов и «всех остальных вероотступников» — все это типичные признаки сектантства, которые, к сожалению, свойственны многим современным креационистам.

Третья причина кроется в том, что теологические факультеты американских фундаменталистских колледжей и университетов тоже могут присваивать научные звания и степени...

К сожалению, сектантский по своему происхождению, содержанию и методам работы научный креационизм нашел поддержку в православной среде. Он пришел в Россию в начале 1990-х вместе с волной американских проповедников, но в отличие от других протестантско-сектантских идеологов, он легко прижился на православной почве, нашел своих последователей и продолжателей и, более того, начал «протаскивать» на своих плечах другие сектантские идеи. Книги, брошюры, интернет-сайты, посвященные научному креационизму, буквально запленили православное информационное пространство, а приверженность этим идеям считается в некоторых кругах чуть ли не основным критерием «православности». На Международных Рождественских Чтениях в Москве целая секция посвящена обсуждению и распространению идей научного креационизма, действуют православные и межконфессиональные креационистские «апологетические» центры. Большую тревогу вызывает преподавание «научного креационизма» в некоторых духовных учебных заведениях.

Русского читателя креационизм привлек, прежде всего, своим «научным» антиэволюционизмом и антидарвинизмом. Потом оказалось, что креационистские концепции легко можно согласовать не только с буквальным прочтением книги Бытия, но и с рядом цитат из святоотеческих толкований Шестоднева, доступных к тому времени русскому читателю. Вот тут православные креационисты восторжествовали, и вновь (как некогда у протестантских фундаменталистов) был провозглашен запрет на любое другое понимание Библии, кроме строго-буквального, все осталь-

---

книгу, в которой, начиная с самых азов науки, объяснять несостоятельность того или иного аргумента. Настоящим ученым на это времени не хватает, и «фоменковщина» часто остается без адекватного ответа. Критика общепринятых догм, противостояние общественному мнению, опровержение традиции всегда более интересно, зрелищно, более привлекательно для толпы, поэтому не требует особых усилий. Диссидентство — наиболее простой способ привлечения внимания и вербовки зевак, и этим способом всегда пользуются сектанты.

ное было объявлено ересью (правда, это позиция не всей Русской Православной Церкви, а частное богословское мнение отдельных ее представителей).

Однако, придя на российскую почву, креационизм нисколько не обновился. Все те же графики, все те же таблицы, те же нелепые рассуждения и доказательства, бьющие далеко мимо цели. Все это аккуратно, слово в слово, было переписано у заокеанских идеологов. Добавлены, пожалуй, только цитаты святых отцов, предпочитавших толковать Шестоднев буквально. А российские ученые-материалисты с прежним упорством продолжают отвергать, казалось бы, неопровержимые истины...

В России креационизм оказался тоже замкнут сам на себя. Для апологии (защиты) веры он бесполезен, поскольку сразу закрывает и анафематствует любую попытку богословского диалога с наукой. Дело в том, что набор штампов, якобы опровергающих современную науку, на самом деле не опровергает, а зачастую отрицает современные научные концепции, игнорирует факты, что недопустимо в научном споре¹. Креационистам осталось только проводить научные конференции «для внутреннего пользования», на которых одни почитатели Г. Морриса хвалят других, да правдами и неправдами² продвигать в общество свои идеи.

Научная сторона креационизма не выдерживает рациональной критики, но и его богословские выкладки требуют еще внимательного исследования. Уже на поверхности лежит то обстоятельство, что далеко не все

---

¹ «Ignoratio non argumentum est» — эта норма античной риторики вошла в современную науку. Если мы хотим доказать что-то своим оппонентам, нужно говорить на понятном для них языке и оперировать привычной для них логикой рассуждений. Церковь исповедует веру, но креационизм, если хочет быть научным, обязан предоставлять доказательства, приемлемые для науки. Цитаты Священного Писания, к которым все время апеллируют креационисты, вовсе не авторитетны для ученых, являющихся агностиками или атеистами.

² Самой яркой звездой на этом «неправедном» небосклоне, безусловно, является господин С. Ю. Вертьянов (настоящая фамилия — Вальшин) — автор «православных» учебников биологии, обманным путем присвоивший своим изданиям патриаршее благословение. Он включил в список научных рецензентов своих трудов известных ученых (в том числе — верующих), давших резко отрицательные отзывы. Некоторых рецензентов он просто выдумал. Под своей настоящей фамилией он публиковал в прессе положительные отзывы на книги, изданные под псевдонимом. Другая яркая фигура — директор скандального PR-агентства А. Ю. Вуйма, сфабриковавший петербургское дело Маши Шрайбер против Министерства образования в защиту идеи сотворения. Может быть, такое «скандальное миссионерство» и могло бы иметь место, но, увы, создается впечатление, что процесс был нужен его авторам только чтобы «раскрутиться».

отцы и учителя Церкви согласны со строго буквальным толкованием Шестоднева. Понимание дней творения как обычных суток встречается у святых отцов (хотя большинство из них не задаются этим вопросом), однако существуют позиции, с благоговейным трепетом обходящие этот вопрос молчанием¹. Действительно, представители ближневосточных богословских школ (каппадокийской, антиохийской) часто настаивали на буквальном понимании Шестоднева. Но нужно понимать, что эта полемика велась не с будущими поколениями эволюционистов, а с представителями другой православной богословской школы — александрийской, которые предпочитали аллегорическое толкование и иногда уходили в слишком далекие и необоснованные аллегории. Утверждение Ефрема Сирина о том, что должно толковать Шестоднев буквально, направлено в первую очередь против философско-аллегорических толкований Оригена.

Совершенно другую линию богословского противостояния мы видим на Западе. Здесь, защищая православие, богословие занимает позицию, прямо противоположную ближневосточным отцам. Блаженный Августин, полемизируя с манихейской ересью (которая, кстати, признавала только буквальное толкование Ветхого Завета и этим обосновывала свою догматику), применяет умеренно-аллегорический метод толкования, которому научил его святитель Амвросий Медиоланский. При этом блаженный Августин считает, что его толкование и есть буквальное в полном смысле слова, а манихейское понимание — ущербное и порочное. Если на Востоке склонны были считать дни творения буквальными днями, а создания каждого дня — молодыми по возрасту, но зрелыми по виду (деревья появились уже с плодами, Луна — в полной фазе, растения и живот-

---

¹ Иеромонах Серафим (Роуз) пишет: «Многие фундаменталисты считают свое буквальное толкование ущербным, если не принимать того, что эти „дни“ — продолжительностью в 24 часа; тогда как многие другие, те, кто хочет соединить Бытие с современной теорией эволюции, полагают свои надежды на принятие этих „дней“ за миллионы или миллиарды лет, так чтобы это согласовалось с предположительными данными, добытыми геологией. Я думаю, мы смело можем сказать, что оба эти взгляда не попадают в цель. Не то чтобы эти дни не могли быть двадцатичетырехчасовыми, если бы так было угодно Богу; один или два отца (например, преподобный Ефрем Сирин) даже утверждают, что они были именно двадцатичетырехчасовыми. Но большинство отцов вовсе ничего не говорит об этом: это не было предметом спора в то время, и им, кажется, не приходило на ум настаивать на перенесении временной шкалы нашего падшего мира назад, на изумительные и чудесные события этих шести дней. Блаженный Августин, я думаю, вполне резюмирует святоотеческую позицию, когда говорит: „Какого рода были эти дни, для нас очень трудно заключить или даже вполне невозможно; и тем более невозможно для нас — говорить об этом“ (О Граде Божиим, XI, 6)».

ные мгновенно населили всю землю и т.д.), то на Западе предпочитали мнение, что все сотворено сразу, а дни творения — лишь повторение и разъяснение этого единого творческого эпизода. Притом продолжительность этих «дней» признавалась много больше земных суток, а развитие мира — постепенным, согласным с божественными законами.

Так что уже на рассвете христианской богословской мысли, еще задолго до научных споров нового времени, мы видим целых три варианта толкования, за каждым из которых стоит авторитет тех или иных святых отцов.

Вообще возможность какого бы то ни было «научного» толкования текста Шестоднева часто ставится под сомнение отцами: «По сотворении тверди Бог повелевает одним водам находиться под твердью, а другим над поверхностью тверди. Но спросит кто-либо, что же такое твердь? Отвердевшая вода, или сгустившийся воздух, или какое-нибудь другое вещество? Никто из благоразумных прямо решать это не станет. Надобно с великою благодарностью принимать слова Писания и, не выступая за пределы нашей природы, не испытывать того, что выше нас, а только знать и держать у себя в уме, что по повелению Господа произошла твердь, которая разделяет воды, и одну часть их содержит под собою, а другую, выше лежащую, может носить на своей поверхности» (*Свт. Иоанн Златоуст. Беседы на книгу Бытия, IV, 42*). Святитель Филарет Московский в своем толковании на Бытие приводит о тверди и водах, ею разделенных¹, самые различные мнения отцов, но в конце заключает: «Вместо бесплодного исследования сего мнения довольно признаться с Августином, что достоверность Писания простирается далее нашего разумения»². Совсем иначе, чем креационисты, святые отцы объясняют благословение в пищу мяса и опьянение Ноя после потопа³. Таким образом, хотя буквальное понима-

---

¹ Вода над твердью — пароводяной экран, по Г. Моррису, создававший парниковый эффект и ставший одной из причин потопа. Это одна из базовых концепций научного креационизма.

² *Святитель Филарет Дроздов. Толкование на книгу Бытия.* — М.: Русский Хронограф, 2003. — 703 с.

³ Для креационистов существует только физиологическая причина. Разрушение пароводяного экрана привело к ухудшению условий на земле. Если раньше ни человеку, ни животным не требовалась, по их мнению, белковая пища, то теперь она стала необходима. Из-за резкой смены условий Ной, привыкший до потопа свободно пить вино и не чувствовать опьянения, выпил свою обычную порцию и опьянел, поскольку действие алкоголя усилилось на послепотопной планете. Святые отцы предлагают нравственное толкование: животные даны в пищу во избежание будущего языческого поклонения тварям. Их можно есть, а поклоняться им не нужно. Опьянение Ноя — чисто психологический факт, ибо Ной, по мнению многих отцов, впервые попробовал вкус виноградного напитка.

ние Шестоднева имеет место в православной традиции, но при этом святоотеческая традиция содержит и другие традиции экзегезы Писания, она гораздо шире и многограннее протестантского фундаментализма.

Второе очевидное обстоятельство — то, что креационизм лежит вне главного вектора развития отечественной научной апологетики. Со второй половины XIX века, то есть с самого начала противостояния, русская богословская мысль пытается примирить секуляризирующуюся науку с Церковью, показав, что наука и религия — это различные, но взаимно дополняющие друг друга сферы познания реальности. Они указывают, в частности, что возможно толкование Шестоднева, не противоречащее научным фактам и расходящееся с наукой только на мировоззренческом, философском, но никак не на фактологическом уровне. Именно в этом направлении до сих пор работают ведущие российские богословские школы. Достаточно заглянуть в соответствующие разделы образовательных пособий, выпущенных (после строгой цензуры, не в пример сегодняшнему дню) Синодальной типографией в конце XIX — начале XX, чтобы понять, каковой была официальная позиция Российской Церкви по вопросу согласования библейских и научных данных. Апологетика, и даже догматическое богословие, совершенно безболезненно расстались с буквализмом, оставив в то же время верующим ученым возможность согласовывать Шестоднев с наукой самостоятельно. Именно из этого источника выросли апологетические работы В.Н.Лосского, протоиерея Стефана Ляшевского, протоиерея Николая Фиолетова и многих других. Конечно, на сегодняшний день концепция, развиваемая ими (так называемая концепция «дня-эпохи») уже устарела, но и наука с тех пор шагнула далеко вперед, в некоторых своих изысканиях приблизившись к библейскому пониманию мира.

Третье. Креационизм принес на православную почву не только отрицание науки и свое оригинальное толкование Шестоднева. Вместе с этим толкованием пришла к нам и протестантская, фундаменталистская методология: признание только буквального смысла Писания; уверенность, что первое пришедшее на ум объяснение текста и есть верное, поскольку «Писание говорит обо всем просто и понятно»; мнение, что Шестоднев — полноценное, научно-достоверное описание происхождения мира; отношение к Писанию как к непосредственному «посланию Бога», записанному буквально под диктовку, отношение, не учитывающее ошибки и неточности перевода, особенности личностного восприятия пророками Божественного Откровения и т.д.

Но самое главное, чего не разглядели православные сторонники креационизма — его сектантского происхождения. Как уже указывалось,

идеи, выдвинутые Г. Моррисом в разное время и в разном составе, высказывались уже христианскими апологетами. Однако креационизм вовсе не является механической смесью чужих мнений. Фундаменталисты XX века сделали широкодоступным продукт, рожденный отнюдь не в недрах протестантских теологических факультетов. У него есть вполне определенный первоисточник, появившийся на свет в среде адвентистов седьмого дня и восходящий непосредственно к основательнице этой секты — Елене Уайт.

Как известно, одной из главнейших доктрин адвентистского движения является требование буквального исполнения четвертой заповеди о почитании субботнего дня как дня покоя и бездействия. Традиционное христианство, по мнению Е. Уайт, искажило древнюю заповедь, заменив субботу на воскресенье¹. Е. Уайт основывается на буквальном толковании текста заповеди (Исх. 20, 8–11), который ставит в жесткое соответствие дни творения с современным седмичным календарным циклом. Буквальная неделя творения, завершившаяся буквальным днем божественного отдыха, является основным аргументом адвентистов в споре против традиционного христианства. Отсюда и принципиальная невозможность иного толкования Шестоднева, кроме строго-буквального: «...предположение, что все события, происшедшие в течение первой недели, якобы развивались на протяжении многих тысячелетий, наносит прямой удар по основанию четвертой заповеди» (*Елена Уайт. Патриархи и пророки*, гл. IX). Ссылка на библейский текст заповеди, наверное, была не достаточно убедительной, и Е. Уайт дополнила ее своим «пророческим видением»²: «Я была перенесена назад ко времени творения, и мне было показано, что первая неделя, в которую Бог совершил за шесть дней Свое творение и отдыхал в седьмой день, была точно такой же, как любая другая

---

¹ Одно из самых ранних рассуждений о необходимости духовного понимания четвертой заповеди читаем у святого Иустина Философа. «Новый закон повелевает вам соблюдать всегдашнюю субботу, а вы остаетесь при одном дне и думаете, что вы благочестивы, не соображая того, почему дана вам эта заповедь» (Разговор с Трифоном Иудеем, п. 17). Подробно православное учение об этом см. у святителя Григория Паламы. «Для желающих всецело Ему покориться Он сотворил все дни благословенными субботаами и, таким образом, Он не разорил, но исполнил этим Закон. Вы же, опутанные житейскими делами, если отстранитесь от алчности и от ненависти друг к другу и будете стараться истинствовать и быть целомудренными, то и вы сделаете каждый день субботой тем, что будете пребывать в неделании зла» (Гомилия XXI).

² До сих пор непонятно, какую природу носили эти видения и пророчества Елены Уайт: были ли это демонические откровения, плоды воспаленного воображения или просто выдуманные истории. По крайней мере, на каждый тезис ее учения приходилось соответствующее откровение.

неделя. Великий Бог в Своих днях творения и дне отдыха отмерил первый цикл как образец для последующих недель до скончания времен» (Spiritual Gifts. Vol. 3, p. 90. Ch. IX. Disguised Infidelity).

Нужно сказать, что среди христианских апологетов середины XIX века были приверженцы как строго-буквального, так и символического понимания шести дней творения, но если для большинства христианских конфессий этот вопрос был второстепенным, скорее вопросом личных богословских вкусов и предпочтений, не влияющим на вероучение¹, то для адвентистов-субботников он принял строго-догматическое значение.

Следующий шаг, который с необходимостью следовал из представлений о шести буквальных днях творения, — признание всемирного потопы как события, сформировавшего многокилометровые толщи осадочных пород с присущими им окаменелыми растениями и животными, залежами угля и нефти. Действительно, в короткой истории Земли просто не оставалось времени для медленного осадконакопления. При известных в настоящее время скоростях для образования многокилометровых толщ требу-

---

¹ Вот пример из классики русского богословия того периода. Профессор кафедры догматического богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии, ординарный академик Императорской Академии наук митрополит Макарий (Булгаков), настаивая на буквальном понимании дней творения, тем не менее при рассмотрении рационалистических возражений против достоверности Шестоднева замечает: «Моисей говорит, что мир, и в частности наша планета, получили бытие и полное образование в продолжение шести дней. Но наука, занимающаяся изучением устройства земли (геология), находит как на поверхности, так особенно во внутренности ее много такого, что могло получить образование только в продолжение столетий или даже тысячелетий, а не шести дней... (Здесь следует критическая оценка этого возражения. — *А.Р.*) ...Впрочем, и не отрицая достоинства этой науки, защитники Откровения представили несколько способов примирять с показаниями ее повествование Моисеево, и способов более или менее удовлетворительных, по суду беспристрастных ценителей. Из числа самих геологов многие, притом весьма ученые, свидетельствуют, что сказание Моисеево о шестидневном творении совершенно согласно с наиболее достоверными положениями их науки, хотя одни из этих ученых принимают дни творения за дни обыкновенные, а другие за целые периоды» (*Макарий Булгаков, архиепископ Харьковский*. Православно-догматическое богословие. § 74). Русский Святитель ссылается в данном случае на литературу католического происхождения и считает возможным такое согласование. Естественно, подобное мнение было и в католическом богословии. На американском континенте, в протестантской среде, ярким ученым и апологетом Писания был Д.Д. Дана (1813–1895). Профессор геологии и естественной истории Йельского университета, редактор «Американского научного журнала» (кстати, член-корреспондент Российской Академии наук), он был одним из основоположников теории «дня-эпохи», позволяющей в какой-то мере согласовать шесть дней творения с геологическими периодами.

ется время, далеко выходящее за рамки хронологии книги Бытия. Таким образом, нужен был глобальный катаклизм с огромными скоростями осадконакопления, и этим катаклизмом стал всемирный потоп. И опять библейского повествования оказалось недостаточно, Е. Уайт прибавила к нему свое откровение, «достоверно» описывающее гибнущий мир, а затем и последствия потопа: «...езде были разбросаны мертвые тела людей и животных. Но Бог не допустил, чтобы разлагающиеся трупы отравили воздух, и Он похоронил их всех под землей, превращая ее таким образом в общее огромное кладбище. Разбушевавшийся сильный ветер, которым Господь решил высушить поверхность земли, со страшной силой увлекал за собой трупы, сносил вершины гор, нагромождая деревья, камни и глыбы земли, хороня под ними мертвые тела. Таким же образом были скрыты золото, серебро, ценные породы деревьев, дорогие камни, обогащавшие и украшавшие мир до потопа и обожествленные его жителями. Сильными движениями воды эти сокровища были занесены землей, покрыты скалами, а в некоторых местах даже целые горы оказались нагромождены над ними... Громадные леса были погребены под землей. Постепенно они превратились в залежи угля, существующие и до наших дней, а также в большое количество нефти. Уголь и нефть часто воспламеняются и горят под землей. Вследствие этого раскаляются каменные породы, известь, руда плавится. Воздействие воды на известь вызывает необычайно высокую температуру, что является причиной различного рода землетрясений и извержения вулканов. Огонь и вода, смешиваясь с рудой и известью, приводят к тяжелым подземным взрывам, раздающимся подобно глухим раскатам грома. Воздух накаляется, следует вулканический взрыв. Часто при таких подземных взрывах раскаленное вещество не находит выхода, земля содрогается, ее кора вздувается и поднимается подобно морским волнам. Образуются большие трещины, поглощающие иногда города, селения и огромные горы... Глубины земли — склады Божьи. Для уничтожения древнего мира Он применил хранящееся там оружие. Подземные источники воды, вырываясь из-под земли, сливаясь с низвергающейся с неба водой, сделали свое опустошительное дело» (*Елена Уайт. Патриархи и пророки, гл. VIII. После потопа*). В этом тексте, содержащем фантазии на библейские темы вперемешку с устаревшими (уже на момент написания) естественнонаучными представлениями, для нас интересны два тезиса: о погребении животных и растений под слоями земли во время потопа и о фантастических подземных резервуарах с водой. Оба тезиса практически без изменений вошли позднее в креационистские построения.

Но есть еще одна идея Елены Уайт, относящаяся к потопу, которая впоследствии тоже была взята креационистами на вооружение — идея о принципиально иных, «тепличных» условиях обитания на допотопной

планете, благодаря которым животные и растения достигали огромных размеров, а люди отличались высоким ростом и долголетием. «Кости человека и животных, находимые в земле, в горах и долинах демонстрируют, что некогда на планете жили люди и звери много больших размеров. Мне было показано, что огромные, могучие животные существовали до потопа, те, что теперь не существуют... Поскольку кости людей и животных, находимые в земле сильно превосходят кости современных животных, или тех, что жили много поколений назад, некоторые заключили, что мир старше, чем любое имеющееся у нас письменное свидетельство, и что он был населен задолго до описания сотворения расой существ, намного превышающих по размеру современных людей. Мне было показано, что без библейской истории геология не может доказать ничего. Ископаемые только лишь свидетельствуют, что состояние вещей по многим параметрам отличалось от современного, но время и продолжительность периода их существования на земле должны быть интерпретируемы только на основании библейской истории» (Spiritual Gifts. Vol. 3, p. 90. Ch. IX. Disguised Infidelity).

Находки гигантских ящеров-динозавров, за костями которых на Американском континенте, у подножья Скалистых гор, была развернута настоящая охота, пришлось как раз на вторую половину XIX в., время активного роста числа последователей Е. Уайт. Чуть раньше в прессе прошли сенсационные сообщения о раскопках скелетов неких человекообразных гигантов. В это же время было доказано растительное происхождение каменного угля, в котором обнаружены отпечатки гигантских растений. У Елены Уайт эта информация вкупе с библейским повествованием об исполнениях сложилась в четкую картинку о принципиально ином климате на земле до потопа, которую до сих пор и воспроизводят креационисты¹.

Сектантская «пророчица» сформулировала все базовые положения креационизма, все это было высказано ей как непреложные истины, подтвержденные не только авторитетом Писания, но и ее собственными «откровениями». Конечно, далеко не она одна придерживалась подобных

---

¹ Одно из распространенных креационистских «доказательств» тепличных условий на земном шаре до потопа — нахождение следов явно теплолюбивой растительности в ископаемых углях за полярным кругом. Совсем недавно это обстоятельство было загадкой для ученых. Теперь совершенно ясно, что материки на протяжении своей истории меняли положение и далеко не всегда были за полярным кругом. Современные методы палеомагнитных исследований позволяют достаточно точно определить географическую широту, на которой формировались отложения. Кроме того, в науке накоплен богатый материал о периодической смене глобальных похолоданий и потеплений на земном шаре.

взглядов, однако исторически сложилось так, что именно ее концепция легла в основу креационистского учения. Именно эту концепцию развивал, поддерживал и широко рекламировал ученик и последователь Елены Уайт адвентистский школьный учитель Мак-Криди Прайс, с именем которого тесно связана дальнейшая история этого учения. Уже у Прайса мы встречаем полностью оформленные и «научно обоснованные» тезисы будущего «научного креационизма» (в его же работах кроются корни всех несуразностей и ошибок, касающихся науки и научного знания), а один из учеников Прайса впервые применил термин «креационизм» по отношению именно к этому учению. Все остальное, все другие апологетические попытки доказать бытие Творца «настоящим» креационизмом не считались. Это мы видим до сих пор: то, что на самом деле является частным случаем апологетики, объявляется полнотой истины и единственно допустимым направлением.

«Отец Новой геологии», «Крестоносец идеи Сотворения», как его величали, Джорж Мак-Криди Прайс (1870–1963) родился в небольшом канадском городке Хевлок. Мальчику было двенадцать лет, когда умер его отец, а мать вступила в Церковь адвентистов седьмого дня. С этого момента вся его жизнь была обусловлена откровениями Елены Уайт. Прайс быстро завершил свое нехитрое обучение в провинциальном городке и вскоре стал учительствовать в различных адвентистских колледжах. Знакомство с передовой научной литературой по геологии и теории эволюции раззадорило молодого учителя. Правда Елены Уайт была для него очевидна, оставалось только опровергнуть «ложную» науку и создать свою, «истинную». Не обучавшись ни геологии, ни биологии, не имея своих полевых наблюдений и материалов, он, тем не менее, выпустил серию книг, учебников и статей, критикующих науку. Основную критику он направил против геологии, которая, по его мнению, является базой для развития эволюционных идей¹. В полном соответствии с открове-

---

¹ Это заблуждение Прайса до сих пор копируют креационисты. Они говорят о некоем порочном круге доказательств в современной науке: длительность геологических процессов якобы обосновывается медленной эволюцией организмов, найденных в осадочных толщах, а миллионы лет истории Земли, необходимые для эволюции, обосновывает геология с теорией чрезвычайно медленного осадконакопления. На самом деле геология и биология пришли к оценке длительности развития Земли независимо друг от друга, на основании совершенно разных методов. Потом (на основании своих собственных данных) это подтвердили физики-ядерщики, сделавшие первые радиозотопные датировки горных пород, и астрофизики, исследовавшие спектры различных космических объектов. Такая согласованность данных, полученных разными методами, на основании разных гипотез и теорий, как раз свидетельствует о большой их достоверности.

ниями Е. Уайт он создает довольно экстравагантную теорию — «Геологию Потопа», в рамках которой и пытается доказать уже известные нам постулаты.

Проповедь Прайса имела некоторый успех в фундаменталистских кругах, однако вплоть до 60-х годов XX века большинство американских протестантских апологетов придерживались теории «пробела» или теории «дня-эпохи» в толковании Шестоднева. «Геология Потопа» по понятным причинам находила поддержку в основном среди адвентистов седьмого дня. И только с именем Генри Морриса связано широкое распространение теории Прайса за пределами адвентистского движения. Книги Прайса, по свидетельству самого Г. Морриса, оказали сильнейшее влияние на его мировоззрение, и он решил посвятить себя обоснованию и распространению этого «библейского учения» о сотворении мира. «Геология Потопа» была переименована в «креационную науку», или «научный креационизм», и уже под этой маркой получила широчайшее распространение. Стоит ли говорить о том, что в учение Генри Морриса были включены все «научные» достижения его авторитетного учителя и все концепции современного протестантского фундаментализма.

* * *

На сегодняшний день «научный креационизм» (еще раз повторюсь, что здесь речь идет только о последователях креационизма по модели Г. Морриса и других близких к нему концепциях) отнюдь не способствует развитию христианской научной апологетики, более того, он не является научным (в строгом смысле слова) направлением, а в области религиозно-вероучительной он оказывается продуктом американского сектантства. Не слишком ли много отрицательных черт для того, чтобы столь активно и неосторожно применять его в православной печати или в церковных образовательных программах? Не вызвана ли негативная антицерковная реакция научной общественности в том числе нашим чрезмерно самоуверенным увлечением креационизмом? Представляется важным, чтобы православная апологетика в аспекте взаимоотношения науки и религии исходила из «Основ социальной концепции Русской Православной Церкви», в XIV главе которых ясно сказано, что «в естествознании нет теорий атеистических и религиозных, но есть теории более или менее истинные», а «религия не занимается вопросами устройства материи». Поэтому апологетам следует помнить: «Научное и религиозное познание имеют совершенно различный характер. У них разные исходные посыпки, разные цели, задачи, методы. Эти сферы могут соприкасаться, пересекаться, но не противоборствовать одна с другой».